

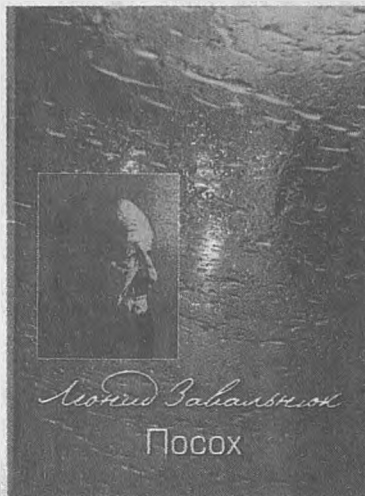

Бывают книги полезные,
но плохо написанные,
и о таких говорить
труднее всего >> СТР. 9

ХУДЛИТ

Независимая газ. - 2006 - 12 окт. - с. 7.

Последний из могижан Несимметричная поэзия Леонида Завальнюка

Леонид Завальнюк. Посох.
— М.: Омега, 2006, 160 с.

Леонид Завальнюк. Планета Зет.
— М.: Зебра Е, 2006, 416 с.

Виктор Широков

Будучи знаком с Леонидом Завальнюком лет тридцать и чуть ли не поболее этих десятков лет прилежно и с уважением читая его книги, весьма был удивлен не столько тем, что поэт в эти дни отмечает свое 75-летие, сколько тем, что сразу два издательства в наше-то непозитическое время выпустили его сборники. Правда, «Посох», выгодно отличаясь лучшим полиграфическим исполнением, практически входит в «Планету Зет».

Лучшие стихи Завальнюка, вполне укладывавшаяся в общее русло творчества «шестидесятников», тем не менее принадлежат к неподконтрольной «вольной» русской поэзии послевоенного времени. У него и тогда было не найти так называемых паровозов — стихов, наполненных риторикой советского официоза, чем грешили в 60–80-е годы прошлого столетия многие тогдашние поэтические лидеры.

Леонид Андреевич пишет о жизни и смерти, о простых людях, придавленных тяжким бытом и одновременно не теряющих связи с

космосом, об одиночестве, на которое изначально обречен любой индивидуум, и о единокровной взаимосвязи всех людей, живущих на нашей планете.

Завальнюк — пессимист изначально, но его жизнелюбивая энергия закошенного провинциала даже в столице исполнена великого оптимизма. Читать его — словно прикасаться к проводам высокого напряжения, ежестрофно испытывая катарсис. Недаром среди его многолетних читателей и поклонников так много людей искусства, художников и актеров, приведу в пример только Аллу Демидову и Виталия Вульфа.

Последний в кратком вступлении к «Планете Зет» так охарактеризовал автора книги: «Леонид Завальнюк — поэт Божьей милостью, человек скромный, тихий, думающий и нигде не расплескивающий себя... Поражает, когда читаешь стихи этого поэта, его предвосхищения, его прозрения, и кажется, что он угадал, как будут развиваться события, не исторические, а как будет меняться сознание человека, к чему человек может прийти... Эмоциональный насыщенный дар Завальнюка негромок, но требует расшифровки, потому что стихи его настоящие, и когда тыходишь в них, тебе от его поэтических строк не уйти».

Литературный марафон Завальнюка начался еще весной 1944 года, когда тринадцатилетний мальчик, беседуя во время рыбалки с дедом Вольком в селе Крымки, рассказывал ему про украинский город Смелу, про свои с мачехой странствия. А первые стихи возникли чуть позже, в Рубцовске, где подросток начал работать на заводе, в литейном цеху. Сам он в автобиографическом повествовании «Избранные места из переписки с самим собой», опубликованном в обеих книгах, рассказал: «Что-то вдруг нахлынуло, навалилось на меня. Какие-то слова, строчки... Кто-то как будто диктует. Я по улице шел как раз. Ни карандаша, ни бумаги.

Забегал на почту, там ручка, чернила... На обороте телеграфного бланка быстро-быстро написал что-то. Прочел. Еще раз прочел и понял, что это стихотворение. Вот это да!»

Ни одного слова из него не запомнил. Помню только, что строчки в нем то совсем короткие, то очень, очень длинные. Кстати, сейчас я часто пишу именно так. В этом есть своя прелесть, когда хорошо получается».

По-научному это называется несимметричные стихи, которые стиховеды считают очень удобными для передачи живой разговорной речи. Именно таковой замечательной особенностью и отличается творческая манера Завальнюка, что, в свою очередь, роднит его с такими разными мастерами русского стиха, как Николай Заболоцкий, Леонид Мартынов и Генрих Сапгир. В конечном счете все это

восходит к песенному фольклору и русской былине.

Современные были, записанные Завальнюком, всегда не просто стихотворное переложение обыденной жизни, но выявление в чудовищном быте прежде всего сказочности и абсурда. Однако его поэтическое исполнение лишено эпатажа, звучит как бы «под сурдинку», в чем и состоит легко узнаваемое своеобразие и прелесть, наконец, единственность интонации, ее новизна.

Сам поэт в стихотворении «Книга», что называется, подвел черту: «Сто лет прошло, и не приелись / Дорога, вербы у моста, / Простых стихов простая прелесть / И честных истин красота. / Знакомо всё / И всё как новость. / К нежданным странствиям готовясь, / Читаю книгу я одну: / Земной великой жизни повесть / Закончу / И опять начну».

Чуть ли не программное стихотворение, если бы каждое первое

или каждое второе его стихотворение не было бы таковым.

А жизнь продолжалась. Пролетели два года «ремеслухи» на Алтае, в городе Рубцовске, и одновременно учебы в вечерней школе, занятия боксом в спортивной секции, техникум закончить не удалось; поэта в 1951 году со второго курса призвали в армию и отвезли на Дальний Восток в Амурскую область... В Благовещенске местное издательство неожиданно выпустило первую поэтическую книжку «В пути» тогдашнего младшего сержанта Завальнюка, а в местном альманахе вышла его пьеса в стихах «Ровесники», по которой авторы приняли в Литинститут, после чего предопределение стать писателем окончательно утвердилось.

Помимо стихов чего только не понаписал трудолюбивый поэт; его перу принадлежат тексты многих популярных песен, назову

только «Три верных коня: декабрь, январь и февраль...», сценарии ряда мультфильмов, различные детские книги, стихотворные азбуки. И как иначе, одними философскими стихами не прокормишься. И везде его выгодно отличало, выручало так называемое «детское мышление», которым и обладает настоящий поэт.

Прочитав эти книги и снова случайно пересекшись с автором на улице около ЦДЛ, я назвал его в разговоре «последним из могижан». Леонид Андреевич не согласился, изначальная скромность заставила отказать от этого определения. Но после сокрушительного ухода многих ярких талантливых поэтов, когда, по словам Давида Самойлова, в нашей жизни, «словно в опустевшем помещении, стало вдруг и пусто и темно», замечательно, что пульсирует такой светоносный творческий дар.

Сказочное — в бытовухе.